

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ ДО 1917 г.
(на примере осетинского народа)**

Аннотация. Автор исследует проблему единства государственно-правовых отношений на юге России в XVIII–XXI столетиях. В своем исследовании он пробует сделать это с различных точек зрения. Работа может быть интересной и полезной для студентов, аспирантов и для всех тех, кто интересуется историей и теорией развития государства и права.

Ключевые слова: Юг России, история государства и права, Северная Осетия, Южная Осетия, Грузия, Алания, юридическая борьба, обвинения, юридическая культура, международные права, образование.

В 2012 г. было отмечено 1150-летие российской государственности. По своему национальному устройству Российская Федерация не имеет аналогов в мире. Формирование правового государства и гражданского общества неразрывно связано с созданием условий, при которых всем национальным, этническим, лингвистическим и религиозным меньшинствам могут быть обеспечены благоприятные условия для сохранения своей культуры, традиций, религии и языка.

«Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство – государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов... сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов»¹. Воссоздание подлинной истории развития государственно-правовых отношений является обязательным элементом в деле построения и упрочения основ правового государства и гражданского общества. Проблема эта имеет и большое образовательное значение, ибо новые поколения российских граждан должны сохранить традиции и духовные ценности своих предков, что немыслимо без постижения истории. Наше многонациональное государство должно выполнить свою главную задачу – «сбережение народа, – в самой его численности, и в физическом и нравственном здоровье»².

Концепция нашей статьи заключается в том, что дореволюционная Россия не была тюрьмой народов, а самодержавие – жандармом Европы, как это было принято считать сначала в кругах революционно-настроенных представителей либеральной интеллигенции, а уже затем, с чьей-то легкой руки, приобрело методологическое значение в отечественной историографии основных вопросов государства и права. К сожалению, отличительной особенностью сегодняшней России является отсутствие сформированной системы ценностей. Деструктивным также является и тот факт, что окончание «холодной войны» для России, да и для мира в целом стало временем усиления политической напряженности³.

Россия как многонациональное государство образовывалась на основе присоединения народов и территорий. Подобное «прирастание» сопровождалось, в большинстве своем, мирными средствами. Этот процесс профессор Р.С. Мулукаев совершенно справедливо называет естественно-историческим⁴. Одним из решающих составляющих этого процесса следует назвать благотворительную и просветительскую деятельность российского государства и русской православной церкви по отношению к

сопредельным народам различной конфессиональной и этнической принадлежности.

Анализируя государственно-правовые воззрения видных представителей российской культуры и науки XVIII в., нельзя обойти вниманием и творческое наследие императрицы Екатерины II. До сих пор, в литературе по истории отечественного государства и права и по истории политико-правовой мысли России его анализу не уделяется должного внимания. Между тем необходимость этого очевидна. Это хорошо понимали даже представители революционно-демократического и советского направления в истории правовой науки⁵.

Нам представляется, что Екатерина II одной из первых в российской историко-правовой науке сумела не только дать собственный самобытный анализ тех или иных узловых моментов отечественной истории, но и выступила блестящим полемистом в разоблачении извращений и превратного толкования многих вопросов отечественной истории. Само название одной из ее работ – «Антидот» – «противоядие» свидетельствует об этом. Поводом для выхода в свет этой книги послужили те печатные нелепицы, которые стали выходить в Западной Европе в XVIII в. в частности, работа аббата Шапп д'Отероса «Путешествие в Сибирь», вышедшая в Париже в 1768 г.

Французский астроном, решивший понаблюдать на территории России очаровательное явление – солнечное затмение и позабыв о том, что и на Солнце есть пятна, в очернительных тонах описывал некоторые моменты политико-правовой жизни России и, в частности, ее законодательство. В «Антидоте», по сути дела, вторично после Петра I обосновывалась идея преемственности высшей государственной власти в России. Весьма интересна и заслуживает внимания мысль Екатерины II о преемственности российского законодательства.

На наш взгляд, вполне очевидно, что дух многих положений римского права стал применяться в России после принятия христианства, ибо они входили в состав законов церковных»⁶. Следует напомнить о единстве государства и церкви в России вплоть до 1917 г.

Тенденциозность, причем воинствующая, присуща многим представителям так называемой «западной» исторической школы в освещении проблем истории государства и права России как до, так и после Октябрьской революции. Общеизвестно, что некоторые моменты, связанные с проведением внутренней политики в 20-50-е гг. XX в. в СССР, неоднозначно, а то и враждебно трактуются политическими силами некоторых стран. Так, например, в июне 2009 г. парламентская комиссия ОБСЕ одобрила документ, приравнивающий сталинизм к нацизму⁷. Стоит ли юристам доказывать абсурдность отождествления идеологии нацизма, признанного международным судом в Нюрнберге преступным, с так называемым сталинизмом?

Не отстают от них и некоторые доморощенные «объективные исследователи», и сегодня с новой силой идет процесс фальсификации истории страны. Правда, стали появляться и отдельные исследования, в том числе и в средствах массовой информации, которые гораздо «ближе» к народу и в которых предпринимается попытка отойти от определенных исторических шаблонов. Так, в статье члена Союза писателей России Евгения Гуслярова «Жестокий дар» говорится, что «русскую историю Фейхтвангер понимал исключительно по Федору Михайловичу. И под героями Достоевского, которыми пришлось управлять Сталину, имел в виду героев романа «Бесы», ставших Ленинской гвардией. А ведь действительно, Россия судила тогда последнее стадо, в которое вошли бесы. Это, если следовать логике Достоевского и Фейхтвангера. И тут возникает крайне любопытный и отчаянный вывод, если, опять же, следовать логике вышеоз-

наченной пары. Уж не был ли Сталин продолжателем дела Христа в части уничтожения на Руси взбесившегося свиного стада?»⁸.

Еще до присоединения к России в осетинских гражданских обществах как на севере, так и на юге сложилась система ценностей, предполагающая выделение образования в разряд национально значимых приоритетов. Внутри самой Осетии системы обучения в виде постоянно действующих учебных заведений не было, главными очагами получения образования в этот период являлись культурные центры России и Грузии. Большую роль в развитии идей образования и воспитания среди осетинских девочек сыграла грузинская царица Тамара – жена осетинского царевича Давида – Сослана. Отдельные частные случаи получения осетинами систематического образования в других странах были, но решающего значения для развития образования в Осетии они не имели.

Одной из главных особенностей зарождения школьного образования в Осетии является то обстоятельство, что в Осетии нового времени школы появляются только благодаря русско-осетинским культурным связям, но часто эта особенность понимается превратно. До сих пор в истории народного образования в Осетии бытует мнение, что школы были привнесены в Осетию, являлись результатом российской культурной экспансии и т.д. Мы считаем это суждение историко-педагогическим заблуждением, а в самом процессе становления школьного образования в Осетии выделяем следующие особенности зарождения школьного образования.

1. Школа появляется в результате русско-осетинских культурных связей, но по инициативе самого осетинского народа, представителей его аристократического сословия.

2. Школы в XVIII в., в том числе Моздокская, не являлись учебными заведениями для «детей осетинских верхов». Доступ в Моздокскую школу был открыт представителям всех сословий осетинского общества.

3. Школа не ставила перед собой ни русификаторских, ни миссионерских задач, в основном она решала задачи общепросветительские, аналогичные задачам, стоящим перед школами центральной России. Это явствует из анализа деятельности самой школы, а историки народного образования и в прошлом, и даже сейчас ошибочно рассматривают систему образования в Осетии в отрыве от российского и мирового педагогического контекста.

4. Открытие школы состоялось за счет Русской православной церкви, просветительская политика которой была неотделима от политики государства Российского.

Следует также учитывать, что на протяжении многих столетий Россия играла прогрессивную, цивилизующую роль по отношению к Кавказу и, в частности, к Осетии. Еще задолго до добровольного присоединения Осетии к России между русским и осетинским народами существовали давние связи, уходящие своими корнями вглубь веков. В правильности этих слов нетрудно убедиться, учитывая хотя бы то обстоятельство, что Алания уже в V в. приняла христианство. Это сделало ее наряду с Грузией и Арменией оплотом его на Кавказе. Естественно, что это единоверие служило сплачивающим элементом для обоих народов.

В 1743 г. была образована Осетинская духовная комиссия, которая согласно постановлению Сената в 1744 г. была направлена в Северную Осетию в политико-просветительских целях. В ее состав входило 21 духовное лицо. Возглавлял комиссию архимандрит Пахомий. С 1745 г. она начинает успешно действовать в Северной Осетии.

Наряду с политическими задачами (выявить настроения в осетинском обществе по поводу присоединения к России и всячески культивировать подобные общественные настроения), комиссия проводила большую миссионерскую и просветительскую работу, ее члены обучали осетин русской и грузинской грамоте, склоняли их к принятию христианства. Поли-

тические и миссионерские задачи в деятельности комиссии тесно переплетались.

Это происходило потому, что ее члены хорошо понимали, что союз с Россией мог быть успешным только при условии прочного внедрения в сознание масс осетинского народа христианского вероучения. Для его пропаганды были необходимы грамотные осетины, могущие служить своеобразным промежуточным звеном в отношениях между русскими и осетинами. Необходимо отметить и долгое время если не замалчиваемую, то всячески преуменьшаемую сторону в деятельности комиссии, связанную с просветительской сущностью православного христианства и российского правительства по отношению к коренному населению Кавказа и, в частности, к осетинам.

Делая вывод о значении деятельности комиссии, следует отметить, что, несомненно, самым значительным результатом ее деятельности стала подготовка и отправка в 1749 г. осетинского посольства в Санкт-Петербург. В состав посольства вошли авторитетные представители осетинского общества. Целями посольства были обсуждение с российским правительством вопросов о присоединении Осетии к России и распространение в Осетии христианства. Деятельность этой комиссии стала краеугольным камнем в строительстве здания союза осетинского и русского народов, основанного, как мы уже отмечали не раз выше, на многовековой истории дружбы и братства двух народов.

Весьма показательно, что, находясь в Санкт-Петербурге, члены осетинского посольства в 1751 г. обратились в Синод с просьбой об открытии в Осетии школы, что само по себе является ярчайшим подтверждением стремления осетинского народа к просвещению. Справедливо отмечается, что руководитель посольства Зураб Магкаев, наряду с другими важнейшими требованиями, добивался организации «осетинской школы».

Однако Синод считал эту просьбу несвоевременной, очевидно, в силу соображений международной безопасности, в частности боясь осложнить и без того напряженные отношения с Турцией, сложившиеся в то время. Тем не менее Синод поручил руководителю Осетинской духовной комиссии архимандриту Пахомию подробно выяснить обстоятельства и возможность открытия школы. Следовало определить место для возможного открытия школы, выяснить другие вопросы, связанные с составом будущих учителей и учащихся, определением языка обучения.

Архимандрит Пахомий предлагал открыть школу в Куртатинском ущелье в количестве 30 учащихся, преподавание вести вначале на грузинском языке, а затем, «когда будут переведены грузинские церковные книги», перейти на осетинский язык.

Следовательно, первоначальным языком обучения в школе предлагался грузинский язык. Это решение объясняется рядом следующих обстоятельств:

1. Среди представителей духовенства, ведущих миссионерско-просветительскую работу с осетинами, большинство были грузины.

2. Значительная часть учебной религиозной литературы была на грузинском языке.

3. К описываемому времени многие осетины владели грузинским языком, а некоторые из них даже получили в Грузии светское и религиозное образование. Стало быть, за неимением литературы на родном языке языком обучения предполагался наиболее знакомый осетинскому населению грузинский язык, которым многие осетины хорошо владели. С методической стороны это было совершенно правильным делом. Причем, согласно плану архимандрита Пахомия, по мере создания учебной литературы на осетинском языке, все обучение переводилось на родной язык. Этот исторический факт опровергает утверждение некоторых исследователей, считавших, что деятельность школы является проявлением русификаторской

политики, а само назначение школы якобы сводилось лишь к тому, чтобы «подготовить агентов России из местного населения».

Осетинская духовная комиссия активно распространяла знания среди осетинского народа, в основном, в индивидуальном порядке. Первоначальный проект открытия школы в Куртатинском ущелье претворить в жизнь не удалось ввиду политической обстановки. Формально в те годы Осетия не входила в состав Российской империи, поэтому школу решено было открыть в приграничной крепости Моздок. В 1764 г. она была открыта. Первыми учениками школы стали четверо молодых осетин, которые перешагнули порог школы в 1766 г. В различные годы количество учащихся колебалось от 4 до 46 детей мужского пола.

Говоря о Моздокской школе, следует пояснить, что это была школа не в современном понимании этого слова – с определенной учебной программой, установленными сроками обучения и классно-урочной формой обучения и воспитания. Эта была школа своего времени. Занятия в школе проводились в произвольной форме. Специального педагогического образования учителя не имели. Обучение носило религиозный характер и, в основном, проходило в форме беседы учителя с учениками. Однако эти замечания не являются констатацией недостатков в работе школы. Следует учитывать, что она действовала по образцу существовавших в то время в России школ, в которых также специального педагогического образования преподаватели не имели.

В силу вышеизложенного можно сделать вывод о том, что те исследователи истории Моздокской школы, которые критиковали ее работу, исходя из современных педагогических представлений, поступали неправильно. Мы считаем необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что школа эта с самого начала играла роль не только религиозно-просветительского учреждения, но и должна была выполнить предназначенную ей роль центра ориентации осетинского народа на политическое, экономическое и культурное сближение с Россией. Эти цели школы отчетливо проявляются в письме Екатерины II астраханскому губернатору Якобию, которому в административном порядке подчинялась школа. Екатерина II писала о том, что нет лучшего способа воспитания осетин приверженцами России, чем их просвещение.

Моздокская школа финансировалась Астраханским банком. Руководство школой в учебно-методическом плане осуществлялось Осетинской духовной комиссией, а в административном отношении школа, как мы уже отмечали выше, подчинялась астраханскому губернатору. Во время учебы в школе учащиеся получали стипендию. Жили учащиеся в имеющемся при школе пансионе и на частных квартирах.

Содержание обучения в школе определялось самими учителями в соответствии с решениями Осетинской духовной комиссии. Учащиеся изучали русскую, грузинскую и осетинскую грамоты, письмо, пение, Святое писание, арифметику. Занятия с учениками проводились в течение всего дня, с перерывами на обед и на отдых. Первоначально обучение велось, в основном, на осетинском языке, но с 1767 г., после специального указания Синода об обучении учащихся на русском языке, обучение стали вести на русском, но осетинский язык сохранялся в качестве предмета. Моздокская школа просуществовала до 1792 г.

Ярким показателем тяги осетинского народа к знаниям является следующий исторический факт. Уже в 1784 г. после окончания Моздокской школы девять ее выпускников продолжали свое образование в Астраханской духовной семинарии. Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что к описываемому нами времени появляются первые представители осетинской интеллигенции, а о Моздокской школе – как о центре образования в Северной Осетии, в стенах которой формировалась осетинская интеллигенция.

Помимо этого, школа сыграла большую роль в создании осетинского алфавита, азбуки, книг на осетинском языке. В период деятельности школы в Моздоке на основе церковнославянской графики была создана первая азбука на осетинском языке. Ее авторами-составителями стали Гайоз Токаев и Павел Генцауров. Гайоз стал в 1793 г. после упразднения Осетинской духовной комиссии и образования Моздокской епархии ее первым архиепископом. Им же была переведена на осетинский язык и издана в 1798 г. в Московской синодальной типографии первая осетинская книга «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного писания». Правда, на этот счет интересное предположение выдвигал Г.М. Цаголов в статье «Осетинская письменность», опубликованной в 1915 г. на страницах газеты «Терские ведомости». Г.М. Цаголов считал, что «работа по переводу книги была выполнена кем-либо из тех, первых интеллигентных осетин, которые к тому времени окончили уже курс в Астраханской духовной семинарии».

Но как бы то ни было, издание этой книги было поистине грандиозным прорывом в деле развития осетинской письменности, мощным двигателем осетинской культуры. Образно говоря, осетинский народ через эту книгу, спустя века вынужденного существования в горах, открыл дверь к сокровищнице мировой цивилизации и прогресса. Складывающаяся на базе осетинской народности осетинская нация посредством школы и книги получила хотя и немногих, но первых представителей осетинской интеллигенции – самодвижущей силы народа на пути к просвещению.

В работах по истории народного образования в Осетии практически не исследуется период после закрытия Моздокской школы в 1798 г. и до 40-х гг. XIX в., когда в Осетии начало действовать Осетинское духовное училище. Почти 40-летний период выглядит своеобразным белым пятном. Между тем в этот промежуток времени во Владикавказе действовало важнейшее просветительское учреждение не только Осетии, но и всего Кавказа. Оно не носило название школы или иного образовательного учреждения, а именовалось «Домом для аманатов». «Аманаты» в переводе с арабского означают заложники. Действительно, в крепости содержались заложники – представители народов Кавказа, но появление «маленьких аманатов» во Владикавказе – явление политико-педагогическое. Сущность этого явления характеризуется не столько политико-правовыми, сколько просветительно-педагогическими характеристиками.

Фактически аманаты Владикавказской крепости были в положении атакманов. Их пребывание в крепости, помимо всего прочего, было прекрасной возможностью русского обучения и воспитания. Одно из первых упоминаний об аманатах мы находим в вышедшей в 1827 г. книге Н. Нефедьева «Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году». Есть сообщения об аманатах и в произведении А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум», впервые опубликованном в 1836 г.

3 августа 1836 г. император Николай I утвердил Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных родителей при войсках отдельного Кавказского округа. С этого времени начинается история военного образования в Северной Осетии. В 1851 г. было принято решение о квотировании половины мест для детей горцев Владикавказского округа. В 1859 г. во Владикавказе был составлен проект окружной городской школы. Она стала действовать с 1861 г. Обучение в ней состояло из 4-х классов, в административном отношении школа подчинялась Кавказскому учебному округу. В уставе школы предусматривалось, что хотя школа и открывалась преимущественно для детей местного населения и русских, тем не менее в ней могли обучаться и мальчики из всех других свободных сословий без различия вероисповеданий.

Учебный план данной школы состоял из следующих учебных предметов:

1. Закон Божий. При его изучении учащиеся знакомились с молитвами, кратким катехизисом, краткой священной историей, общими понятиями о богослужении в православной церкви. Закон Божий был обязательным предметом для детей православного вероисповедания. Для детей мусульманского вероисповедания предполагалось изучение мусульманского вероучения.

2. Русский язык и русская грамматика с практическими упражнениями.

3. География всеобщая и русская. При изучении русской географии учащиеся изучали статистические сведения и административный порядок управления Кавказского края.

4. История всеобщая и русская.

5. Арифметика и понятия об алгебре.

6. Начальные понятия о геометрии. Сюда входило объяснение линий плоскостей и тел, их важнейших свойств и черчение геометрических фигур.

7. Чистописание.

8. Рисование.

Для каждого класса предполагался годичный курс обучения, кроме подготовительного, на который отводилось два года обучения. В случае неуспеваемости в подготовительном классе учащийся мог оставаться на повторный срок обучения. Учебный год начинался 15 августа и заканчивался 30 июня.

Педагогический совет обладал рядом прав, например, на освобождение бедных учащихся от платы за обучение; однако для вступления этого решения в силу требовалось разрешение местного начальства.

При школе был открыт пансион на 120 мест. Это был самый большой пансион на Северном Кавказе. Так, в Дагестане (Темир-Хан-Шуре) предполагался пансион на 65 мест. Количество мест в пансионе свидетельствует о большом количестве иногородних учащихся. Примечательно, что самым большим для учащихся Владикавказской школы в сравнении с другими школами Северного Кавказа было и количество бесплатных мест в пансионе. Во Владикавказе их было 80, причем 50 квотировалось для детей горцев. Для сравнения: в Нальчикской школе пансион определялся на 65 мест, из них только 10 содержались за счет казны.

Имеет большое значение для анализа учебно-воспитательного процесса в школах Северной Осетии середины XIX в. анализ учебно-методической литературы. Так, в 1865–1866 учебном году только во Владикавказском горском окружном училище функционировали фундаментальная библиотека, пансионная библиотека. Среди наглядных пособий были глобусы, карты, картины, счеты, стереоскопы, атласы, готовальни, краски и т.д.

Анализ книжного фонда показывает, что русскому языку ученики обучались по букварю Золотова, родному слову и детскому миру – по книгам Ушинского, книгам для чтения Паульсона и Михайлова, книгам «Друг детей» Максимовича, хрестоматиям Филонова, Ушинского, Галахова, грамматикам Иванова, Перевлеского, Смирнова. Базовыми учебниками по математике были книги Бальмана, Буссе, Щеглова, по алгебре Тихомадрицкого, задачник Больмана, по геометрии – учебник Боссе. Применялись также картонные геометрические фигуры Охоровского и уроки геометрии Хмырова.

По географии применялись учебники Семенова и Корнеля, всеобщей географии Ободовского, географии России Кузнецова, атласы Сидова, Симашко, Микешина, Лангера.

По русской истории использовался учебник Иловайского, учебные картины и таблицы Золотова. По всеобщей истории – учебник Иловайского и

Берте, исторический атлас Иордана и Сидонского. Наряду с общероссийскими учебниками обучение велось по Корану (для детей мусульман), букварю – грамматике Макарова, литургике Мансветова, букварю и молитвеннику на осетинском языке. Среди факультативных предметов дети обучались пению и гимнастике, зоологии, французскому и латинскому языку и педагогике.

Делу распространения образования активно способствовало «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Роль этого общества в деле распространения грамотности среди осетин трудно переоценить, причем речь, главным образом, идет не только и не столько о распространении непосредственно грамотности, т.е. ликвидации неграмотности, сколько о создании и развитии системы образования, о стимулировании осетин, обучившихся грамоте, к продолжению образования в специальных учебных заведениях страны, для чего последние обеспечивались специальными стипендиями.

Крупным учебным заведением Владикавказа (а следует помнить, что это была все еще крепость, а не город – им стал Владикавказ в 1860 г. – прим. С. Ч.) следует также назвать открытую 1 мая 1848 г. школу военных воспитанников. Спустя 12 лет, в 1861 г., оно было преобразовано в Горское окружное училище. Учились здесь, главным образом, дети не только русских военных, но и осетин, живших в расположенных в непосредственной близости от крепости осетинских селениях.

Правительство Александра II и его администрация ставили целью покрыть Осетию сетью начальных школ. Однако сделать это оно собиралось, в основном, за счет самих сельских обществ. Замечание это отнюдь не является констатацией недостатка, что долгие годы делали историки образования. Финансирование школ за счет местного бюджета – мировая практика государств, экономика которых развивается по рыночным принципам. Вряд ли кто ныне рискнет назвать недостатком то, что сегодня школы г. Владикавказа финансируются его администрацией местного самоуправления.

В 1874 г. произошло важное событие в истории народного образования Северной Осетии: была создана единая система начального образования. Существовавшие ранее по линии общества восстановления православного христианства на Кавказе школы были переданы в ведение Кавказского учебного округа. К 1 января 1877 г. во Владикавказе было 10 крупных учебных заведений, дававших своим воспитанникам не только начальное, но и среднее образование. Обучение в те годы велось по принципу полового разделения, мальчики и девочки учились отдельно. Из вышеназванных десяти семь школ были мужскими, три – женскими.

Некоторые исследователи вводили себя, да и своих читателей в заблуждение, неправильно понимая названия существовавших в прошлом веке школ (одно- и двухклассные). Они ошибочно отождествляли современное понятие класса, т.е. года обучения, со сроками обучения. Между тем в прошлом веке слово класс означало курс, определенную программу обучения. Данный «класс» включал в себя, как правило, 3–4 года обучения. К концу XIX – началу XX вв. в Осетии наблюдается резкий рост количества школ как мужских, так и женских. В сравнении с 1877 г. в 1897 г. их насчитывалось соответственно: 32 мужских и 12 женских, то есть рост составил более чем в 4 раза.

Для сравнения: при численности населения в «Калмыцкой степи» в 1897 г. 128573 человека, грамотных было 3,7%, в том числе мужчин 4317, женщин 411 человек. Среди калмыков, составляющих 95,3% всего населения Калмыцкой степи, грамотных мужчин насчитывалось 3104, женщин 92, или в общей сложности 2,6%. В их числе мужчин, владевших русской грамотой, было 326, женщин 29, а грамотой других народов владели 2778 мужчин и 63 женщины. Следовательно, общий уровень грамотности насе-

ления Калмыцкой степи как административно-территориального района составлял 3,7%», – отмечает Е.В. Сартикова⁹.

Библиографический список

- Гордиенко В.В. Безопасность России в условиях глобализации. Дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 3.
Гуляров Е. Жестокий удар // Деловой Вторник. – 2011. – 8 ноября. – № 37 (810).
Кто заплатит за Сталина? // Аргументы и факты. – 2009. – № 28.
Мулукаев Р.С. О концепции государственно-национальной политики РФ. – М., 2001.
Сартикова Е.В. Народное образование в Калмыцкой степи к началу XX в. // Вопросы истории. – 2009. – № 5. – С. 144.
Солженицын А.И. Сбережение народа // Московские новости. – 2006. – № 15. – С. 22.

¹ <http://www.putin.2012.ru>.

² Солженицын А.И. Сбережение народа // Московские новости. – 2006. – № 15. – С.22.

³ Гордиенко В.В. Безопасность России в условиях глобализации: Дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 3.

⁴ Мулукаев Р.С. О концепции государственно-национальной политики РФ. – М., 2001. – С. 490.

⁵ См. например: Добролюбов Н.А. Собеседник любителей русского слова // Собрание сочинений в 3-х т. Т. 1. – М., 1950. – С. 5; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. – Л., 1965. – С. 252.

⁶ Екатерина II. Антидот // Сочинения императрицы Екатерины II. – СПб, 1898. – С. 290.

⁷ Кто заплатит за Сталина? // Аргументы и факты. – 2009. – №28. – С. 2.

⁸ Гуляров Е. Жестокий удар // Деловой вторник. – 2011. – 8 ноября. №37 (810). – С. 4.

⁹ Сартикова Е.В. Народное образование в Калмыцкой степи к началу XX в. // Вопросы истории. – 2009. – № 5. – С. 144.

Борзова Е.С.

ПОСЛЕДСТВИЯ УКАЗА 17 АПРЕЛЯ 1905 г. «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ» НА ТЕРРИТОРИИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО И ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Статья посвящена последствиям указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» на территории польских и западных губерний Российской империи. Автор указывает на сокращение числа православных после 17 апреля 1905 г., рассказывает о деятельности католического духовенства, польских помещиков и «Товарищества опеки над униатами», а также показывает реакцию православной церкви и местного населения на данный указ.

Ключевые слова: Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», Люблинская губерния, Седлецкая губерния, западные губернии, православие, униаты, католическое духовенство, «Товарищество опеки над униатами», пропаганда.

В начале XX в. резко возросло давление на верховную власть со стороны тех, кто выступал за религиозную свободу. С началом революции 1905 г. это требование еще больше усилилось. Руководство страны получало тревожные донесения из западных районов империи, в которых указывалось на резкую активизацию антироссийских настроений в католической сре-